

УДК 947.081.11

ТРАДИЦИИ ОПЕКИ У КРЕСТЬЯН ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX В.

Мария А. Гордеева^{1, @}

¹ Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8
@ sharshova@yandex.ru

Поступила в редакцию 28.04.2017.
Принята к печати 24.07.2017.

Ключевые слова: Томская губерния, крестьянство, опека, попечительство, сиротство, имущество, община.

Аннотация: В статье рассматривается механизм установления крестьянской опеки в Томской губернии. На основе опекунских дел проанализированы основные этапы установления опеки: назначение опекуна, составление описи имущества, составление отчета по управлению имуществом, проведение аукционных торгов. Выявлены нарушения и конфликтные ситуации на каждом из них. Автор приходит к выводу о том, что опека в данном регионе сводилась к борьбе за материальные ресурсы. Опекун мог распоряжаться имуществом сирот: вести хозяйство на их земле, либо сдавать ее, а также дворовые постройки и скот в аренду. Вырученные средства опекун мог вложить на счет в сберегательной кассе до совершеннолетия сирот, либо использовать данные средства на их нужды с разрешения сельского схода. Вопросы о попечении личности, воспитании в христианской традиции не нашли отражения в рассматриваемых документах. Тем не менее, община выполняла основную социальную функцию по назначению опеки, несмотря на отсутствие целостно законодательной базы. Назначения опекунов происходили ежегодно в соответствии с местными обычаями.

Для цитирования: Гордеева М. А. Традиции опеки у крестьян Томской губернии в начале XX в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3. С. 43–48. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-43-48.

Институт крестьянской опеки дореволюционной России строился преимущественно на базе обычного права, на основе которого воплощались представления крестьян о механизме решения вопросов установления опеки над детьми-сиротами. Этот механизм базировался на представлениях о милосердии, нравственности, социальной справедливости и саморегулировался внутри сельского общества.

Вопросы организации опеки у русских крестьян привлекали исследователей в разные времена. В 1897 г. в Санкт-Петербурге русский фабрикант и меценат князь В. Н. Тенишев создал «Этнографическое бюро», которое активно работало до 1901 г. Основной целью этого предприятия являлась организация и проведение массового сбора сведений о русском крестьянстве по специальной программе. Она называлась «Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России, составленная князем В. Н. Тенишевым». В нее, помимо прочих, был включен и вопрос об опеке. На основе этих материалов впоследствии издано большое количество исследований и сборников документов [1–5].

В современной историографии вопросы законодательских инициатив по вопросу организации опеки и попечительства над несовершеннолетними лицами крестьянского сословия нашли отражение в ряде работ. Исследователи сходятся во мнении, что отсутствие целостной законодательной базы не препятствовало сельским обществам исполнять важную социальную функцию по установлению опеки, опираясь на местные обычаи [6–9].

Отдельного внимания заслуживает роль и влияние общины на организацию и функционирование опеки над сиротами, исследователи приходят к выводу о том, что крестьянская опека над сиротами преследовала две основные цели: социальную (воспитание христианина и подготовка к взрослой жизни) и экономическую (управление имуществом) [10–16].

В законодательной базе дореволюционной России не наблюдалось четкой регламентации отношений между опекунами и сиротами. Данный вопрос регулировался согласно примечаниям к статье 51 «Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости». При назначении опекунов крестьяне руко-

водствовались местными обычаями. Сельские общества исполняли обязанность назначения опекунов и проверки их действий [6, с. 138].

1 февраля 1887 г. вышло Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «О порядке отчуждения имущества малолетних крестьян», согласно которому сельскому сходу разрешалось принимать решение об отчуждении припасов и вещей малолетних сирот, которые могли подлежать скорому тлению и другим тратам [7].

«Положение о земских участках начальниках», принятое 12 июля 1889 г., определяло функции Губернского по крестьянским делам Присутствия в отношении опеки. Оно должно было рассматривать и утверждать приговоры сельских обществ о продаже движимого и недвижимого имущества, а также рассматривать жалобы, которые поступали на данные приговоры [6, с. 139].

Следующим законодательным актом, регламентирующим механизм опеки, стало обнародованное 23 ноября 1902 г. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «О порядке назначения опеки над имуществом умерших крестьян, бывших приписанными к волости, и над личностью и имуществом остающихся после них малолетних детей». Здесь впервые разграничивались функции сельского схода и волостного правления в исполнении функций опеки. В первом пункте оговаривались предметы ведения сельских сходов относительно опекунов, приписанных к соответствующему сельскому обществу. Второй пункт определял обязанности волостного схода, в обязанности которого вошла проверка назначения, действий опекунов и попечителей [6, с. 140].

Все документы, касающиеся опеки над несовершеннолетними, формировались в особые дела, которые хранились в волостном правлении и дополнялись по мере поступления материалов, начиная с приговора сельского общества, описи имущества сирот, и заканчивая отчетами по проверкам. В данной работе использованы материалы опекунских дел Коченевской волости Каинского уезда, Мало-Крюковской волости Томского уезда, Тарминской волости Кузнецкого уезда, Ордынской и Тулинской волостей Барнаульского уезда Томской губернии. Сведения, содержащиеся в данной подборке, позволяют рассмотреть механизм установления опеки над детьми-сиротами и установить основные принципы, которых придерживались опекуны в Томской губернии.

Механизм назначения опеки в сельских обществах состоял из нескольких этапов. На первом из них назначался опекун, причем не только в случае смерти крестьянина, но и в случае его мобилизации [17, л. 1а]. Кандидатура опекуна, как правило, предлагалась старостой на сельском сходе. Форма приговора представляла собой унифицированный типографский бланк. Писарь вносил информацию о дате приговора, названии сельского общества, количестве присутствовавших на сходе крестьян. Далее указывались фамилия и имя умершего крестьянина, дата его смерти, имена и возраст сирот. Записывалось решение сельского схода с указанием фамилии и имени назначенного опекуна. Приговор скреплялся подписями крестьян, присутствовавших на сходе, а также подписью и печатью сельского старосты.

Законом предусматривалась возможность назначать опекуна как из родственников, так и из посторонних си-

роте лиц. В практике сельских обществ Томской губернии первоочередное право опеки оставалось за родственниками по отцовской линии. Если крестьянка жила отдельно от семьи мужа и могла вести хозяйство самостоятельно, то опекуном назначали именно ее, и она становилась полноправной домохозяйкой [18, л. 2–3]. Если крестьянка с детьми входила в состав неразделенной семьи и не имела права распоряжаться имуществом самостоятельно, то опекуном избирали деда, либо дядю сирот. В 1911 г. в дер. Елбанской Ордынской волости произошел конфликт между снохой и свекром. По приговору сельского схода от 24 августа 1908 г. опекуном сиротам была назначена их мать [19, л. 4–5]. Она вела хозяйство с отцом умершего крестьянина Платоновым. Впоследствии она повторно вышла замуж за крестьянина того же села Герасимова, который с согласия Платонова вступил во владение его имуществом с условием воспитать и прокормить сирот, а также содержать самого Платонова до его смерти. Через некоторое время Платонов подал прошение крестьянскому начальнику с жалобой на побои и притеснения со стороны своей снохи и ее нового мужа. Ордынский волостной суд постановил содержать Платонова ввиду его старости, однако Герасимов не исполнил решение суда. Ввиду всего этого Платонов просил разделить имущество на две части: одну часть выделить сиротам с назначением опекунского надзора, вторую – самому Платонову [19, л. 7–8]. Крестьянский начальник постановил направить дело на рассмотрение в волостной суд и немедленно принять меры по соблюдению интересов сирот и просителя [19, л. 8 об.]. Ходатайство Платонова было удовлетворено, опекуном сирот осталась их мать, с которой вновь взяли расписку об ознакомлении с наставлениями [19, л. 12–13].

Следующим этапом установления опеки являлось составление описи имущества сирот. Обязанности по проверке и оценке имущества сирот возлагались на сельского старосту и нескольких добросовестных крестьян. Опись имущества представляла собой унифицированный бланк, на лицевой стороне которого вносились информация о сельском обществе, дате составления, имени и дате смерти крестьянина и сироты. На развороте содержалась таблица, в которую писарь вносил сведения согласно схеме самой таблицы: наименование описанного имущества, его количество, сумма оценки, состав семьи, размер существующих повинностей по каждому сбору, недоимки, а также мнение волостного старшины о том, что из описанного может быть продано без ущерба хозяйству [20, л. 3–4]. Опись скреплялась подписями всех, кто присутствовал при ее составлении. В большинстве случаев в описи вносились лишь сведения о количестве имущества и сумма его оценки, остальные графы игнорировались. Во многих сельских обществах не было унифицированных бланков. В подобных случаях писарь вручную расчерчивал таблицу, в которую затем вносил нужные данные. Структура этих таблиц в разных сельских обществах отличалась, что было обусловлено, скорее всего, местными обычаями. Так, в с. Елбанском Ордынской волости вносились лишь сведения об имеющемся имуществе и сумма оценки [19, л. 2–3], а в дер. Вагайцевой той же волости таблица содержала все те же графы, что и в унифицированном бланке [17, л. 2–3].

Опекуну в распоряжение предоставлялось все имущество сироты, значащееся в описи, составляемой сельским старостой. Данное действие подкреплялось распиской о приемке имущества и обязательством его сохранять [17, л. 5].

Вместе с копией описи имущества опекун был обязан ознакомиться с наставлением. Наставление опекуну представляло собой унифицированный типографский документ, состоящий из 11 пунктов. В нем отражались основные обязанности, ложившиеся на опекуна и процедура назначения опеки. В нем было отмечено, что опекун должен присутствовать при составлении описи имущества и утверждать ее своей подписью. В отношении управлением имения сирот опекун должен сохранять и приращивать его. Если в составе имущества имелись «предметы торговли или промышленности», опекун был обязан использовать их согласно назначению с пользой для малолетних. С утверждения волостного правления опекун имел право сдавать недвижимое имущество сирот на срок до 3-х лет. Также он имел право подать ходатайство о разрешении продать часть имущества, сохранность которого была под сомнением или это было необходимо для содержания сирот. Опекун был обязан платить все повинности, лежащие на сиротах и ежегодно отчитываться на сельском сходе обо всех доходах и расходах по имуществу [19, л. 12–13].

После утверждения на сходе, сельский староста отправлял в волостное правление приговор сельского схода о назначении опекуна и опись имущества, сопровождаемые рапортом, для рассмотрения и утверждения, а волостной старшина, в свою очередь, крестьянскому начальнику [21, л. 2]. Если в сельском обществе не имелось соответствующего унифицированного наставления, то от руки писалась краткая расписка о принятии имущества и обязанности добросовестно воспитать сирот [22, л. 10].

Каждый год опекун должен был предоставлять сельскому сходу отчет по опеке над имуществом и сиротами умершего крестьянина. В нем расписывались приход и расход «имущества и капитала» [21, л. 10]. Впрочем, не во всех обществах временные сроки соблюдались. Отчет мог предоставляться и раз в два года. После этого сход утверждал или не утверждал составленные отчеты. Иногда, в случае задержки предоставления сведений в волостное правление о проверке имущества и действий опекуна, сельскому старосте направлялась экстренная телеграмма с предписанием произвести таковую в скорейшем времени [21, л. 17].

По достижении сиротой или сиротами совершеннолетия, опекуновое управление над ними и их имуществом снималось с крестьянина. Если девушка выходила замуж раньше своего совершеннолетия, она выходила из-под опеки. Все имущество, принадлежащее ей, переходило к мужу.

В некоторых случаях, когда имущество сирот не приносило дохода и со временем могло «прийти в ветхость», сельским сходом, с согласия опекуна, принималось решение о его продаже. Разрешение на продажу с аукционных торгов выдавалось Томским губернским управлением по представлению крестьянского начальника с перепиской по ходатайству сельского общества [23, л. 10]. Так, в феврале 1912 г. Завьяловскому сельскому обществу была разрешена продажа «одной лоша-

ди и разных хозяйственных вещей» малолетних сирот Буньковых (2-х, 5-ти и 7-ми лет) на сумму 133 руб. 40 коп. Вырученные деньги постановили «поместить в одно из кредитных учреждений для приращения процентов» [23, л. 15]. Следует отметить, что в данном случае, объявление о торгах рассылалось не только по селам Тулинской волости, но и в другие близлежащие правления: Битковское, Локтевское, Екатерининское [23, л. 26–27, 33]. В случае, если опекун продавал имущество сирот до официального назначения и не вносил деньги в сберегательную кассу, волостным старшиной составлялся акт о данном нарушении с требованием взыскать деньги с процентами и вложить их на счет сирот [24, л. 23–24]. Здесь мы видим нарушение со стороны опекуна, о котором заявил его родной брат при составлении описи имущества [24, л. 22]. Именно после этого и был составлен акт.

После проведения аукциона составлялся торговый лист, в котором по порядку перечислялось все продаваемое имущество, его первоначальная стоимость и сумма, вырученная в ходе торгов [18, л. 55–58]. В волостное правление представлялась выписка из сберегательной кассы с указанием суммы, внесенной на имя сирот. Опекун, с согласия сельского схода, мог воспользоваться частью данной суммы для приобретения одежды или пропитания сирот, если не имел на эти цели собственных средств.

Встречаются также случаи раздела имущества умершего крестьянина между наследниками. Например, в с. Нижне-Каменском Ордынской волости жена умершего крестьянина отказалась проживать со свекровью, так как имела «строптивный характер» [24, л. 7]. Сельское общество сочло целесообразным разделить имущество, оставив большую часть жене, так как та обязалась погасить долги умершего мужа [24, л. 7–8].

В Томской губернии обязанности опекуна сводились к управлению имуществом несовершеннолетних подопечных. Оно предполагало не столько его приращение, сколько сохранение доставшегося до совершеннолетия сирот. Опекун мог вести хозяйство на земле сирот, либо сдавать ее, а также дворовые постройки и скот в аренду. Вырученные средства опекун мог вложить на счет в сберегательной кассе до совершеннолетия сирот, либо использовать данные средства на их нужды.

В рассматриваемых опекуновских делах не встречается документов, которые касались бы вопросов попечения личностей сирот. Ни о какой нравственности и христианском милосердии не имеется ни одного упоминания. В то же время по документам можно проследить ход борьбы за материальные ресурсы между родственниками опекаемых детей. Все сводится к описям имущества и разбирательствам по поводу конфликтов вокруг него. Из этого можно сделать вывод о материальном характере опеки в исследуемом регионе.

Несмотря на внесенные в конце XIX – начале XX в. дополнения в положения об опеке крестьянского сословия, не было создано единой законодательной базы, что, впрочем, не стало препятствием для исполнения сельскими обществами Томской губернии важнейшей социальной функции. Назначения опекунов происходили ежегодно в соответствии с местными обычаями.

Литература

1. Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В. Н. Тенишева. СПб.: Изд-во Европ. Дома, 1993. 470 с.
2. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 1: Костромская и Тверская губернии. СПб.: Деловая полиграфия, 2004. 568 с.
3. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 2: Ярославская губерния. Ч. 1: Пошехонский уезд. СПб.: Деловая полиграфия, 2006. 568 с.
4. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 2: Ярославская губерния. Ч. 2: Даниловский, Любимский, Романово-Борисоглебский, Ростовский и Ярославский уезды. СПб.: Деловая полиграфия, 2006. 558 с.
5. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 3: Калужская губерния. СПб.: Деловая полиграфия, 2005. 647 с.
6. Вьюнник Е. П. Правовой механизм социальной помощи детям-сиротам сельских обывателей в Центральном Черноземье во второй половине XIX – начале XX в. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия История. Политология. 2010. Т. 19. № 16. С. 137–144.
7. Осипова М. П. Законодательная политика российского правительства в сфере крестьянской опеки (вторая половина XIX в.) // Вехи минувшего: ученые записки исторического факультета. Липецк, 2009. С. 161–173.
8. Федосова Е. В. Правовое регулирование опеки и попечительства над несовершеннолетними лицами крестьянского сословия в Российской империи (вторая половина XIX века) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 1(14). С. 416–420.
9. Бердников А. А. История становления государственного управления опекой и попечительством над несовершеннолетними детьми // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. 2014. № 28. С. 7–11.
10. Безгин В. Б. Опека малолетних и сирот в русском селе (вторая половина XIX века) // Юридический мир. 2009. № 2(146). С. 76–80.
11. Заколотная В. Н. Организация и функционирование крестьянской опеки над сиротами в России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2010. № 1. Т. 4. С. 129–136.
12. Коваленко В. В. Социальная помощь и опека в станичных обществах Кубани в конце XVIII – начале XX в. // Теория и практика общественного развития. 2013. № 11. С. 299–302.
13. Соловьева И. В. Традиции опеки у русских крестьян в конце XIX в. // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2011. № 4(41). С. 53–59.
14. Чубаров А. И. Социальная опека солдатских семей в эпоху Первой мировой войны (на примере Курской губернии) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2015. № 4(36). С. 32–39. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-opeka-soldatskih-semey-v-epohu-pervoy-mirovoy-voyny-na-primere-kurskoj-gubernii> (дата обращения: 01.12.2016).
15. Батыров В. В., Команджаев Е. А. Усыновление и опека в Калмыцком обществе в XIX в. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 4. С. 84–88.
16. Ефремов А. В., Петренко Н. И. Опека и попечительство в крестьянской сельской общине этноса мари XIX в. // Вестник Российского университета кооперации. 2015. № 3(21). С. 101–104.
17. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Д-78. Оп. 1. Д. 178.
18. ГАО. Ф. Д-78. Оп. 1. Д. 175.
19. ГАО. Ф. Д-78. Оп. 1. Д. 172.
20. ГАО. Ф. Д-78. Оп. 1. Д. 180.
21. ГАО. Ф. Д-78. Оп. 1. Д. 203.
22. ГАО. Ф. Д-78. Оп. 1. Д. 173.
23. ГАО. Ф. Д-78. Оп. 1. Д. 199.
24. ГАО. Ф. Д-78. Оп. 1. Д. 174.

TRADITIONS OF GUARDIANSHIP AMONG PEASANTS OF THE TOMSK PROVINCE IN THE EARLY XX CENTURY

Mariia A. Gordeeva¹, @

¹ Institute of History Siberian Branch of the Russian Academy of Science, 8, Nikolaev St., Novosibirsk, Russia, 630090
@ sharshova@yandex.ru

Received 28.04.2017.

Accepted 24.07.2017.

Keywords: Tomsk province, peasantry, guardianship, trusteeship, orphanhood, property, community.

Abstract: The current paper features the mechanism of establishment of guardianship among the peasants of the Tomsk province. The main stages of establishment of guardianship are analyzed on the basis of custody cases: appointment of the guardian, compilation of the belongings list and the report on property management, carrying out the biddings. The study reveals violations and conflict situations in every aspect involved. The author comes to a conclusion that guardianship in this region was reduced to a mere fight for material resources. The trustee could dispose of property of the orphans, e.g. to plough their land or to give it for rent together with domestic constructions and cattle. The trustee could put the profit on the account in a savings bank until the orphan came of age, or use these funds for the orphan's own needs with the permission of the village assembly. The matters of custody and Christian upbringing did not find reflection in the considered documents. Nevertheless, the community carried out the main social function in appointing the guardian, despite the absence of proper legislation. Guardians were appointed annually, according to local customs.

For citation: Gordeeva M. A. Traditsii opeki u krest'ian Tomskoi gubernii v nachale XX v. [Traditions of Guardianship among Peasants of the Tomsk Province in Early XX Century]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2017): 43–48. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-43-48.

References

1. *Byt velikorusskikh krest'ian-zemlepasshtsev. Opisanie materialov etnograficheskogo biuro kniazia Tenisheva V. N.* [Life of great Russian peasants grain-growers. Description of materials of ethnographic bureau of book of Tenishev V. N.]. Saint-Petersburg: Izd-vo Evrop. Doma, 1993, 470.
2. *Russkie krest'iane. Zhizn'. Byt. Nrvy: Materialy «Etnograficheskogo biuro» kniazia Tenisheva V. N. T. 1. Kostromskaia i Tverskaia gubernii* [Russian peasants. Life. Family Life. Customs: Materials of ethnographic bureau of the prince Tenishev V. N. Vol. 1: Kostroma and Tver provinces]. Saint-Petersburg: Delovaia poligrafiia, 2004, 568.
3. *Russkie krest'iane. Zhizn'. Byt. Nrvy: Materialy «Etnograficheskogo biuro» knyazia Tenisheva V. N. T. 2. Iaroslavskaya guberniia. Ch. 1. Poshekhonskii uezd* [Russian peasants. Life. Family Life. Customs: Materials of "Ethnographic bureau" of the prince Tenishev V. N. Vol. 2: Yaroslavl province. Part 1: Poshekhonsky county]. Saint Petersburg: Delovaia poligrafiia, 2006, 568.
4. *Russkie krest'iane. Zhizn'. Byt. Nrvy: Materialy «Etnograficheskogo biuro» kniazia Tenisheva V. N. T. 2. Iaroslavskaia guberniia. Ch. 2. Danilovskii, Liubimskii, Romanovo-Borisoglebskii, Rostovskii i Iaroslavskii uedy.* [Russian peasants. Life. Family Life. Customs: Materials of "Ethnographic bureau" of the prince Tenishev V. N. Vol. 2. Yaroslavl province. Part 2. Danilovsky, Lyubimsky, Romanovo-Borisoglebsky, Rostov and Yaroslavl counties]. Saint Petersburg: Delovaia poligrafiia, 2006, 551.
5. *Russkie krest'iane. Zhizn'. Byt. Nrvy: Materialy «Etnograficheskogo biuro» knyazia Tenisheva V. N. T. 3. Kaluzhskaia guberniia* [Russian peasants. Life. Family Life. Customs: Materials of "Ethnographic bureau" of the prince Tenishev V. N. Vol. 3: Kaluga Province]. Saint Petersburg: Delovaia poligrafiia, 2005, 647.
6. V'iunnik E. P. Pravovoi mekhanizm sotsial'noi pomoshchi detiam-sirotam sel'skikh obyvatelei v Tsentral'nom Chernozem'e vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [A legal mechanism of the public assistance to orphan children of rural inhabitants in the Central Chernozem region in the second half of XIX – the beginning of the 20th century]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii Istorii. Politologiiia = Scientific sheets of the Belgorod state university. History series. Political science*, 19, no. 1 (2010): 137–144.
7. Osipova M. P. Zakonodatel'naia politika rossiiskogo pravitel'stva v sfere krest'yanskoi opeki (vtoraia polovina XIX v.) [Legislative policy of the Russian government in the sphere of country guardianship (the second half of the 19th century)]. *Vehi minuvshago: uchenye zapiski istoricheskogo fakul'teta* [Milestones of past: scientific notes of department of history]. Lipetsk, 2009, 161–173.
8. Fedosova E. V. Pravovoe regulirovanie opeki i popechitel'stva nad nesovershennoletnimi litsami krest'ianskogo soslovia v Rossiiskoi imperii (vtoraia polovina XIX veka) [Legal regulation of guardianship and guardianship over minors of country estate in the Russian Empire (the second half of the 19th century)]. *Iuridicheskaiia nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Jurisprudence and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod academy Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 1(14) (2011): 416–420.

9. Berdnikov A. A. Istoriia stanovleniia gosudarstvennogo upravleniia opekoi i popechitel'stvom nad nesovershennoletnimi det'mi [History of formation of public administration by guardianship and guardianship over minor children]. *Sovremennye tendentsii v ekonomike i upravlenii: novyi vzgliad = Modern trends in economics and management: a new look*, no. 28 (2014): 7–11.

10. Bezgin V. B. Opeka maloletnikh i sirot v russkom sele (vtoraia polovina XIX veka) [Guardianship of juveniles and orphans in the Russian village (the second half of the 19th century)]. *Iuridicheskii mir = The Legal world*, no. 2(146) (2009): 76–80.

11. Zakolodnaia V. N. Organizatsiia i funktsionirovanie krest'yanskoi opeki nad sirotami v Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [Organization and functioning of country guardianship over orphans in Russia in the second half of XIX – the beginning of the 20th century]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. Pushkina A. S. = Messenger of the Leningrad state university of Pushkin A. S.*, 4, no. 1 (2010): 129–136.

12. Kovalenko V. V. Sotsial'naia pomoshch' i opeka v stanichnykh obshchestvakh Kubani v kontse XVIII – nachale XX v. [The social help and guardianship in stanitsa societies of Kuban at the end of XVIII – the beginning of the 20th century]. *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia = Theory and the practician of social development*, no. 11 (2013): 299–302.

13. Solov'eva I. V. Traditsii opeki u russkikh krest'ian v kontse XIX v. [Traditions of guardianship at the Russian peasants at the end of the 19th century]. *Vestnik pravoslavnogo Sviato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 2: Istoriia. Istoriia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi = Messenger of orthodox Sacred and Tychonoff humanities university. Series 2: History. History of Russian Orthodox Church*, no. 4(41) (2011): 53–59.

14. Chubarov A. I. Sotsial'naia opeka soldatskikh semei v epokhu Pervoi mirovoi voiny (na primere Kurskoi gubernii) [Social guardianship of soldier's families during an era of World War I (on the example of the Kursk province)]. *Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta = Electronic scholarly notes. Scientific journal of the Kursk State University*, no. 4(36) (2015): 32–39. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-opeka-soldatskih-semey-v-epokhu-pervoy-mirovoy-voyny-na-primere-kurskoy-gubernii> (accessed 01.12.2016).

15. Batyrov V. V., Komandzhaev E. A. Usynovlenie i opeka v Kalmytskom obshchestve v XIX v. [Adoption and guardianship in the Kalmyk society in the 19th century]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN = Bulletin of the Kalmyk Humanitarian Research Institute*, no. 4 (2014): 84–88.

16. Efremov A. V., Petrenko N. I. Opeka i popechitel'stvo v krest'ianskoi sel'skoi obshchine etnosa mari XIX v. [Guardianship and guardianship in country rural community of ethnos of Mari of the 19th century]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta kooperatsii = Bulletin of the Russian University of Cooperation*, no. 3(21) (2015): 101–104.

17. *Gosudarstvennyi arhiv Novosibirskoi oblasti (GANO)* [The State Archive of the Novosibirsk Region]. Found D-78, List 1, File 178.

18. *Gosudarstvennyi arhiv Novosibirskoi oblasti* [The State Archive of the Novosibirsk Region]. Found D-78, List 1, File 175.

19. *Gosudarstvennyi arhiv Novosibirskoi oblasti* [The State Archive of the Novosibirsk Region]. Found D-78, List 1, File 172.

20. *Gosudarstvennyi arhiv Novosibirskoi oblasti* [The State Archive of the Novosibirsk Region]. Found D-78, List 1, File 180.

21. *Gosudarstvennyi arhiv Novosibirskoi oblasti* [The State Archive of the Novosibirsk Region]. Found D-78, List 1, File 203.

22. *Gosudarstvennyi arhiv Novosibirskoi oblasti* [The State Archive of the Novosibirsk Region]. Found D-78, List 1, File 173.

23. *Gosudarstvennyi arhiv Novosibirskoi oblasti* [The State Archive of the Novosibirsk Region]. Found D-78, List 1, File 199.

24. *Gosudarstvennyi arhiv Novosibirskoi oblasti* [The State Archive of the Novosibirsk Region]. Found D-78, List 1, File 174.